

стоятъ; болѣе гнуснаго, несправедливаго и безумнаго обвиненія не высказывалъ еще ни одинъ политикъ противъ другого, въ особенности бросая подобныя обвиненія взадъ (?), когда противникъ не имѣетъ возможности возражать!» (стр. 344). Или: «Россія захочетъ, чтобы Черногорія приобрѣла значительныя части территоріи, чтобы цѣлый Эпиръ, Фессалія и всѣ остальные турецкіе острова были присоединены къ Греціи, и чтобы *ей самой* досталась вся Армения и далѣе на Евфратъ до Персидскаго Залива; чтобы Египетъ былъ независимъ и присоединилъ къ себѣ Сирію и Палестину, и, наконецъ, чтобы *сама Россія* получила съ принcipальныхъ (?) княжествъ Сербіи и Египта вознагражденіе, подобное заплаченному Франціею Германіи и равное подати, выплачиваемой теперь ими Турціи» (63). Не можетъ также не показаться страннымъ, что редакторъ перевода (въ то же время и редакторъ *славянофильскаго* «Гражданина») не знаетъ, что главный городъ Хорватіи называется не *Варажъ* (стр. 84), а *Аграмъ* (Загребъ); что *Георія* (стр. 90), порусски называется Грузія; что русскій сенатъ, «датирующий съ 1711 года», подраздѣляется не на отдѣлы, а на департаменты (стр. 90).

Кавказскій путевой дневникъ. Кн. В. Мещерскаго. Спб. 1878 г.

Петя Смуратовъ повѣсть. Лѣтопись сердца. Ночь 15 іюня, стихотвореніе. Ею же. Спб. 1878 г.

Намъ такъ часто приходится говорить о произведеніяхъ неумимаго князя, и къ искреннѣйшему сожалѣнію нашему, говорить не всегда въ любезномъ тонѣ, что читатели могутъ, наконецъ, заподозрить насъ въ нѣкотораго рода parti pris по отношенію къ знаменитому «князю Точкѣ, учености коцкѣ, самолюбія бочкѣ», какъ обозвалъ его другой милѣйшій человекъ нашей журналистики. Но что же, однако, дѣлать рецензенту? Если «Фигаро—здѣсь, Фигаро—тамъ», то естественно, что «Фигаро на расхватъ». Вѣдь трудно даже перечислить всю массу подвиговъ нашего князя литературныхъ и нелитературныхъ. Онъ разоблачилъ передъ нами «Тайны современнаго Петербурга»; онъ повѣдалъ намъ «Правду о Сербіи»; онъ рассказалъ намъ о жизни «женщинъ петербургскаго большаго свѣта»; онъ открылъ пагубную пропаганду «лорда-апостола»; онъ велъ полемичку съ разными вліятельными иностранцами, онъ ѣздилъ на Кавказъ для раздачи самолично выхлопотанныхъ, собранныхъ и даже, буквально, *вымоленныхъ* (Кавк. п. дн. 153, 372) пожертвованій изъ фуфаякъ, папирсовъ, книгъ (500 экз. Псалтыря, 10 экз. «Дневника Писателя» 2000 экз. Житія Тихона Задонскаго и т. п.), «маленькихъ образковъ съ поясками» и пр., и, написавши эпопею своихъ походовъ, перепархиваетъ на Дунай съ тѣми же гуманными и просвѣтительными цѣлями; онъ предлагаетъ намъ, наконецъ, «Лѣтопись русскаго сердца»

(на обложкѣ значится «Лѣтопись сердца» безъ указанія какого именно), въ которой «пусть говорить одно лишь сердце!» И какже говорить это пламенное, любвеобильное, консервативно-патріотическое сердце! Боже мой, какъ оно говоритъ! А такъ какъ, дѣло извѣстное, сердце сердцу вѣсть даетъ, то, очень естественно, мы не можемъ, не въ силахъ умолчать о сокровищахъ, таищихся какъ въ этой, такъ и въ другихъ княжескихъ «лѣтописяхъ».

Читатель понимаетъ, что къ произведеніямъ сердца нельзя приступать съ тѣми прозаическими требованіями, какія мы привыкли предъявлять ко всякимъ другимъ литературнымъ произведеніямъ. Совершенно напрасно было бы искать въ нихъ какой-нибудь логики и даже простой граматности и все содержаніе «Лѣтописи», какъ и слѣдовало ожидать, заключается въ патетическихкихъ воззваніяхъ къ «добрымъ русскимъ людямъ» и въ приглашеніяхъ «быть готовыми къ новымъ и новымъ жертвамъ во благо и въ помощь солдату». Для поддержанія этой готовности, князь рекомендуетъ новозобрѣтенный имъ «дѣтски простой способъ: ежедневно и по нѣскольку разъ на дню, когда мы окружены семейными тихими радостями, удобствами жизни, или ночью, когда, подъ крѣпкою крышей и въ теплой комнатѣ, мы чувствуемъ себя огражденными отъ стучащей въ окно непогоды и холода, вспоминать и представлять себѣ, какъ въ эти минуты страдаютъ и стонутъ *наши* раненые, наши, потому что они наши родные, и наши потому, что они вмѣсто насъ сражались и страдаютъ—какъ выносить и что выносить наши солдаты и офицеры, какъ день и ночь безъ усталости совершаютъ свою святую работу сестры милосердія, врачи и санитары—и безъ сомнѣнія, этихъ живыхъ, потрясающихъ и святыхъ представленій слишкомъ достаточно, чтобы русскаго человѣка подвигать жертвовать и все жертвовать для русскаго раненаго и для русскаго солдата! Свято-кровавый призракъ нашего солдата да не является нашему сердцу съ упрекомъ въ неблагопріятности или невниманіи къ нему, но да будетъ онъ намъ свѣтлымъ видѣніемъ горячо любимого брата и друга» и пр. и пр. (Лѣт. сердца 254—255). Такое краснорѣчіе проберетъ кого угодно и еслибы авторъ воспользовался всѣми ресурсами своего несравненнаго таланта и въ pendant къ своему «свято-кровавому призраку» прибавилъ бы еще нѣсколько «жуделовъ» и «металловъ»—можно смѣло ручаться, не нашлось бы такого толстокожаго кушца, который бы, въ смертельномъ переполохѣ, не разверзъ бы передъ нимъ всего своего кармана. Конечно, съ точки зрѣнія здраваго смысла, и разсматривая «дѣтски-простой способъ» князя, какъ практическую мѣру, можно только посмѣяться надъ этимъ убѣдительнымъ совѣтомъ, сводящимся, въ сущности, къ тому, что «для того, чтобы помнить, надо вспоминать». Но это ничего и совсѣмъ дѣло не въ томъ. Намѣренія князя были, очевидно, совершенно идеальны, онъ просто желаетъ «глаголомъ жечь сердца людей» и въ этомъ смыслѣ даже самая безсвязность и невразумительность этого «глагола»

оказываютъ князю не малую услугу, придавая ему тотъ видъ «юродиваго», которымъ онъ, какъ извѣстно, даже отчасти, гордится. И гордится по праву: стаканъ князя очень не великъ и къ тому же «душно ведетъ себя», какъ выражалась дама, пріятная во всѣхъ отношеніяхъ, но какъ бы то ни было, князь, ничто же сумняшеса, смачно пьетъ изъ этого стакана во славу замоскворѣцкаго патриотизма и арбатскаго консерватизма. Nonny soit qui mal y pense!

Тотъ же элементъ сердечности проникаетъ собою и «Кавказскій путевой дневникъ», въ которомъ бурнопламенная рѣка княжескаго краснорѣчія даже еще шире и глубже, нежели въ «Лѣтописи сердца». Тѣмъ не менѣе, въ сожалѣнію, въ дневникѣ авторъ менѣе оригиналенъ, нежели въ «Лѣтописи», потому что ему, по свойству самаго предмета, невозможно было ограничиться голымъ лиризмомъ и, волей-неволей, надо было описывать факты («впечатляющіе эпизоды», на образномъ языкѣ князя), становясь, такимъ образомъ, въ ряды обыкновенныхъ корреспондентовъ. Извѣстно, что такое русскій корреспондентъ. Это робкое, безпомощное, запуганное существо, на лицѣ котораго (говоримъ о литературной физиономіи, конечно) написано тоже, или около того, что подмѣтилъ Тэнъ у лондонскихъ женщинъ нищенскихъ кварталовъ: «пожалуйста, не бейте меня; но, если вамъ угодно, вы можете меня бить». Въ этомъ сравненіи нашемъ гораздо болѣе горькой правды, чѣмъ преувеличенія. Нашъ авторъ сразу зарекомендовалъ себя «лондонской женщиной». Онъ поѣхалъ на Кавказъ «не для критики чего бы то ни было», а потому, что его влекли туда «два долга: хочется тамъ быть, чтобы лобызать землю, освященную кровью нашихъ солдатъ, и поклониться этимъ солдатамъ и этимъ офицерамъ, какъ святымъ и героямъ. Хочется также тамъ быть, чтобы попытаться чѣмъ-либо быть полезнымъ» (255). Сообразно съ намѣреніями автора, весь «дневникъ» наполненъ «лобзаніями», «поклоненіями» и повѣствованіемъ о «слезахъ, вырвавшихся неудержимо изъ груди» (371) и т. п. Правда, несмотря на свою благоразумную рѣшимость, авторъ не всегда воздерживается отъ критики, но это отнюдь не должно смущать его многочисленныхъ читателей (ни великосвѣтскихъ, ни тѣхъ, которые пополняютъ свои библиотеки на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ), потому что вотъ образецъ его критики. Рассказывая объ одномъ генералѣ, не исполнившемъ инструкцій, авторъ говоритъ: «И никакой отвѣтственности этотъ господинъ не подвергся; того, что старому барину все равно подставлять даромъ подъ выстрѣлы наши войска—никто не принималъ во вниманіе. И если онъ былъ окруженъ и положилъ на мѣстѣ двѣ-трети отряда для удовлетворенія своимъ собственнымъ соображеніямъ, все-таки онъ бы подвергся отвѣтственности» («Кавк. дн.», 71). Критика, которой никто понять не въ состояніи—самая безобидная критика, конечно. Что же касается до имѣющихся въ «Дневникѣ» харак-

теристикъ личностей, то по поводу ихъ мы замѣтимъ только то, что, если нашъ князь—и «юродивый», то онъ изъ тѣхъ юродивыхъ, которые себѣ на умѣ и знаютъ, гдѣ раки зимуютъ.

Князь Мещерскій, какъ извѣстно, столько же публицистъ, сколько и беллетристъ, и публицистика у него, сплошь и рядомъ, врывается въ беллетристику и обратно. Повѣсть «Петя Скуратовъ» еще разъ подтверждаетъ это. Какъ повѣсть, она, что называется, не имѣетъ ни кожи, ни рожи, ни вѣдвнїя, и знакомить читателя съ ея содержаніемъ не стоитъ труда. Но въ ней есть одно любопытное лицо, введенное авторомъ эпизодически, но превосходно выражающее его собственныя политическія и общественныя мнѣнія. Это лицо—сельская попадья, которая, въ разговорѣ съ нѣкоей княгиней, отчетливо формулируетъ profession de foi автора, столь часто развивавшееся на страницахъ «Гражданина». Рѣчь идетъ о школахъ: «Мы съ батюшкой для этой самой школы себя не жалѣемъ, только вотъ больно ужъ одолеваютъ насъ новѣшнія требованія; прїѣдетъ, прости Господи мои согрѣшенія, какой-нибудь бусурманнїи али нигилистъ самъ, посмотришь и въ Бога не вѣруешь, да вдобавокъ еще не моется, а туда же лѣзеть: не такъ, молъ, учите, не по новѣшнему. Нераціональность какую-то выдумали, да и примѣриваютъ, да еще все про развитіе спрашиваютъ—а по нашему какое развитіе? Чтобы Бога дѣти боялись, да любили, читать и писать могли, съ удовольствіемъ, значить, да ариометика еще, что значить для ежедневнаго-то обихода понадоится и довольно съ нихъ; нѣтъ, а имъ, глядишь, всего этого мало; молитвъ, молъ, вашихъ не нужно, а вы намъ развитіе, да еще рациональное, подавайте, да естественности, чтобы побольше. Ну, извѣстно дѣло, мы имъ давать этого самаго не хотимъ, Боже сохрани» («Петя Скур.» 155). Ничего умнѣе этого мы никогда не читали въ «Гражданинѣ». Попадья говорить, въ сущности, совершенно тоже, что проповѣдуетъ и этотъ почтенный органъ, но несравненно проще, кратче и рѣшительнѣе. «Не хотимъ давать этого самаго, Боже сохрани»—не вся ли тутъ программа такъ называемаго консерватизма? Не меньшею опредѣленностью отличаются и политическіе взгляды попадья, которые она выражаетъ даже съ нѣкоторою поэтической образностью: «Черняеву вѣдь не то что себя показать, ему народъ русскій показать надо. Слава Богу, имѣемъ, чѣмъ похвастаться, да и не то, что предъ одними этими нехристями турками. Тоже для чего нибудь вѣку-то далъ Господь Россіи. Вѣдь не для того, помилуй Богъ, чтобы сидѣть поджавъ хвостъ или этимъ самымъ хвостомъ махать передъ Европой» (156). Просто поразительно! Эти предки о роли нашего «хвоста» мы сто разъ читали въ «Гражданинѣ» и въ другихъ изданїяхъ, и даже волновались, не подозрѣвая того, что насъ волнуютъ измышленія сельской попадья—ни больше, ни меньше. «Ужъ извините; заговорила съ княгиней, прощается попадья:—языкъ мой—врагъ мой. что дѣлать; всѣ посты говѣю, а все не уни-

мадсь, ужь видно такъ и умру болтушкой. Ей Богу! Да вотъ ко всему интересъ имѣешь. Чтѣ прикажете дѣлать?» (156). Въ этихъ словахъ мы находимъ полную характеристику литературной личности нашего автора: языкъ его — врагъ его; никакъ бѣдный князь не можетъ унаться, такъ и умереть болтуномъ. Но чтѣ прикажете дѣлать? Ко всему онъ интересъ имѣеть.

О стихотвореніи (въ сущности, это — рядъ стихотвореній). «Ночь 15 іюня» мы не станемъ говорить: это та же «Лѣтопись сердца» въ переложеніи съ обыкновенной прозы на рубленую.

Мы остановились такъ, относительно, долго на этихъ книжкахъ князя Мещерскаго не въ силу, конечно, ихъ литературныхъ достоинствъ, которыхъ онѣ вовсе и не имѣютъ, но главнымъ образомъ потому, что онѣ, эти «Лѣтописи» и «Дневники» съ ихъ напускнымъ пафосомъ, съ ихъ выжатыми слезами, съ ихъ лицемѣрнымъ чувствомъ, фальшивость котораго нельзя замаскировать какими бы то ни было завываніями — все это въ высшей степени въ настоящую минуту типично и характерно. Кто теперь за семь копеекъ или за рубль серебромъ не слагаетъ прозаическихъ и стихотворныхъ гимновъ? Это такое легкое дѣло. Какой Иванъ Никифоровичъ не сгнѣшитъ теперь заявить, что и у него, въ такомъ-то городѣ проживающаго, «русское сердце радуется, томится, страдаетъ, тревожится и бьется сильно, очень сильно бьется?» («Лѣт. сердца», 189). Это такое теперь выгодное дѣло. Но блаженны не натравливающіе и не славословящіе, ибо они помилованы будутъ неліцепріятнымъ судомъ исторіи. Истинная скорбь цѣломудренна; она не фразѣрствуетъ напыщенно о себѣ; она не дѣлаетъ изъ своего объекта выгоднаго для себя гешефта, она не пляшетъ на площадяхъ, какъ вавилонская блудница, лишь бы обратить на себя взоры проходящихъ. Ахъ, полноте, пожалуйста! восклицаемъ мы съ княземъ. «Намъ лишь бы обратить вниманіе», мечтаемъ мы, какъ тотъ гоголевскій герой. И какъ же, въ самомъ дѣлѣ, не обратить? Мы были на Кавказѣ, мы были на Дунаѣ, мы землю лобзали, мы слезы проливали, мы пахали.

Княжна Острожская. Историческая повѣсть. *Вс. С. Соловьева*. Спб. 1877.

Когда мы узнали, что «Княжна Острожская» написана не какимъ-нибудь изъ безчисленныхъ фабрикантовъ историческихъ и всякихъ другихъ романовъ, а тѣмъ самымъ г. Всеволодомъ Соловьевымъ, Соловьевымъ-философомъ, который еще не такъ давно ополчился на позитивистовъ и, потерпѣвши маленькую неудачу, съ ловкостью почти военнаго человѣка началъ утверждать, что онъ вовсе не ополчился и что во всемъ виновата несчастная, не къ мѣсту поставленная запятая; когда мы узнали это, то по правдѣ сказать, немножко даже испугались. Припоминая, какъ г. Соловьевъ, съ героизмомъ, достойнымъ лучшей участи, не захотѣлъ «расшибить» ненавистныхъ ему позитивистовъ мирно и смиренно, со всѣми удобствами въ родной Москвѣ,